

Вл. В. Седов

Церковь Св. Иоанна на Опоках в Новгороде как пример позднесредневековой архитектуры

Седов Вл. В.

Церковь Св. Иоанна на Опоках в Новгороде как пример позднесредневековой архитектуры

В статье анализируется памятник новгородской архитектуры XV в., церковь Иоанна Предтечи на Опоках (или на Петрятине дворище). Этот памятник был сооружен в 1453 г. на основаниях снесенного храма 1184 г., поставленного, в свою очередь, на основаниях еще более раннего памятника домонгольской архитектуры. Этот храм был важным центром новгородской жизни: в нем хранился эталон воска, в нем собиралась корпорация купцов, Иванское сто. Поэтому памятник получился столь значительным, как значительно и само направление архитектурной мысли, отразившееся в нем: предыдущий храм перед сносом «запоминают» и воспроизводят с максимальной точностью, что превращает новый храм в материальное воплощение тени или «идеи» разрушенного. Вместе с тем, в «реставрированный» храм вставляется подцерковье, поначалу деревянное, отчего интерьер теряет часть высоты, становится если не приземистым, то пониженным, редуцированным. В этих процессах играет роль «пассеизм» позднесредневековой, историчной по сути культуры Новгорода середины XV в. С культурологической точки зрения «реставрация» такого рода — удивительный и показательный факт, тогда как художественные достоинства храма теряют от этого намеренного повторения форм прошлого.

Ключевые слова: древнерусская архитектура, средневековый Новгород, позднее средневековье, реставрации, строительство «на старой основе», пропорции, формальный язык архитектуры, комплекс форм, связь с культурой

Седов Владимир Валентинович, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, главный научный сотрудник НИИТИАГ РААСН. E-mail: sedov1960@mail.ru

Sedov Vladimir Valentinovich, Doctor of Art History, Professor, RAASN Corresponding Member, Leading Researcher of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of NIITIAG RAASN. E-mail: sedov1960@mail.ru

Sedov V. V.

Church of St. John na Opokakh in Novgorod as an Example of Late Medieval Architecture

Key words: Early Russian architecture, medieval Novgorod, late Middle Ages, restoration works, building on "old foundation", proportions, formal language of architecture, complex of forms, connections with culture

The work studies one example of Novgorodian 15th-century architecture – the Church of St. John the Baptist na Opokakh (or na Petriatinye Dvorishche). It was erected in 1453 on the foundations of a demolished church dating to 1184, which, in its turn, had been constructed on a basis of an earlier building of pre-Mongolian times. It was an important center of social life in Novgorod – inside was kept a wax standard and a corporation of merchants gathered here, the *Ivanskoye Sto*. This is why the church was created in such an imposing manner, just as the architectural concept behind it was imposing: the preceding edifice had been "remembered" before being destroyed and reconstructed with maximum accuracy, which turned the new church into a certain material embodiment of a shadow or of an "idea" of the previous one. At the same time an additional ground floor (*podtserkoviye*) was added to the plan of the "restored" church, the former at first made of wood, which had the effect of the interior losing some of its height, becoming if not actually squat, but lowered, reduced. In this phenomenon the "passeism" of the culture of late Medieval Novgorod manifests itself, a culture which was essentially "historic" in mid-15th century. From a culturological viewpoint a "restoration" of this sort is a curious and revealing fact, when the artistic merits of the church suffer from this intentional repetition of past forms.

Церковь Св. Иоанна Предтечи на Опоках, расположенная на Торговой стороне Новгорода, в районе древнего Торга, является, на наш взгляд, важнейшим памятником «реставрационного» направления новгородской архитектуры середины XV в. Этот храм выстроен в своем нынешнем виде в 1453 г. Несмотря на то, что отдельные его формы принадлежат более позднему времени, XVI и XVII вв., а некоторые старые части были повреждены во время войны и заменены реставраторами, храм можно считать хорошо сохранившимся. Именно сохранность, позволяющая говорить о целостном комплексе, включая образ интерьера и образ фасадов, и делает это здание ключевым для понимания проблемы «реставрированных» в середине XV в. памятников новгородского зодчества второй половины XII в.

Храм Св. Иоанна на Опоках — яркий представитель целого ряда каменных новгородских церквей, которые в середине XV в. были выстроены заново, но на старых фундаментах (как говорится в летописях — «на старой основе»). Для этого строительства старые сооружения разбирались, но, как увидим ниже, не только особенности их плана, но и объемно-пространственная структура, и даже некоторые формы декора воспроизводились в новой постройке, которая тем самым была не совсем новой: со старой ее связывала не только преемственность посвящения, но и постановка на старом фундаменте и нижней части стен, а следовательно, и общность планов.

Был еще один храм, Свв. Бориса и Глеба в Детинце 1441 г., построенный на месте церкви 1167 г., памятник, может быть, даже более значительный, но его формы известны нам лишь по фрагментарно сохранившейся археологической документации¹, а значит, не пригодны для искусствоведческого анализа.

В 1453 г. старый храм Св. Иоанна Предтечи на Опоках («на Петрятине дворище»), сооруженный в 1184 г., был снесен, а на месте старого здания начато строительство нового. Летопись сообщает только о том, что разрушение старой постройки было начато «повелением владыки Еуфимия», а также о том, что храм этот освящал сам новгородский архиепископ Евфимий II (1429–1458), но у нас нет сомнения в том, что архиепископ, возможно, поддержанный боярством, был непосредственным заказчиком

Церковь Иоанна на Опоках. Вид с юга. Фотография автора, 2008 г.

нового храма и его росписи. Этим строительством продолжается возведение новых значительных храмов на основаниях церквей второй половины XII в.: Свв. Бориса и Глеба в Околотке (в новгородском Детинце) 1441 г. и Спаса-Преображения в Спасском монастыре в Русе 1442 г. Если относительно этих двух построек летописцы употребляют формулу «на старой основе», то в сообщении о строительстве церкви Св. Иоанна на Опоках такая формула не используется. Между тем фактически это был тот же акт возведения здания на основании разрушенной домонгольской постройки.

Разрушение храма 1184 г. началось 3 июня, на память мученика Лукиллиана («Лукиана» — по летописи), а закончилось 23 сентября, на память Зачатия Иоанна Предтечи², то есть в один из праздников Иоанна Предтечи — святого, в честь которого освящен храм на Опоках (храм посвящен Рождеству Иоанна Предтечи, празднуемому 24 июня³, что для освящения храма не подходило, поскольку строительство было только начато 3 июня).

Литература о церкви Св. Иоанна на Опоках и других храмах, «реставрированных» в Новгороде в середине XV в., не слишком обширна. Первым на подобные памятники обратил внимание Ю.Н. Дмитриев, разглядевший в церкви Воскресения (Уверения Фомы) на Мячине постройку не 1195–1196 гг., а 1465 г.; этот исследователь предложил термин «реставрация» и предположил связь между этим процессом и борьбой Новгорода против Москвы,

а также обоснованием внутренней и внешней политики новгородских бояр и церкви вообще⁴. Идеи Ю.Н. Дмитриева развил Д.С. Лихачев, увидевший связь между обращением Москвы к домонгольским владими́ро-суздальским памятникам и практически одновременным процессом восстановления в Новгороде домонгольских храмов; в целом процесс «реставрации» (так его не называя) Д.С. Лихачев считал вписанным в некое «восточноевропейское Предвозрождение»⁵.

Как памятник древнерусского зодчества храм Св. Иоанна Предтечи стал известен после Великой Отечественной войны, во время которой он был существенно поврежден. Отдельную брошюру с описанием церкви выпустила Т.В. Гладенко, реставрировавшая этот памятник⁶. В работе приводятся сведения о том, что в храме 1453 г. уже имелись деревянные перекрытия на уровне подклета, сообщается о первоначальных щелевидных окнах, о разрушенном позднее западном притворе XV в., о сохранившихся в нижних частях стен участках кладки XII в. В кругу других храмов середины XV в. этот памятник охарактеризован в совместной статье новгородских архитекторов-реставраторов, где он отнесен к строительству «по старой основе», или к «реставрациям»⁷.

В 1979 г. экспедиция под руководством П.А. Раппопорта произвела археологическое изучение храма. Выяснилось, что «церковь Ивана на Опоках, построенная в 1127–1130 гг., уже в конце XII в. была

полностью разобрана, а на ее фундаментах в 1184 г. возведена новая церковь. ... От церкви 1184 г. сохранили только самые нижние части стен, на которые положили новый фундамент храма, построенного в 1453 г. Церковь 1127–1130 гг. представляла собой шестистолпный трехапсидный храм длиной 24,6 м и шириной 16 м. При перестройке в 1184 г. план здания был полностью сохранен, но западный фасад был отодвинут на 1,4 м к западу. Это изменение плана, очевидно, было связано с необходимостью утолстить западную стену для устройства в ней лестницы и в то же время не уменьшить при этом площади нартекса. В первоначальной церкви вход на хоры, видимо, осуществлялся по лестнице в башне, которая должна была занимать одно из угловых западных членений храма. Перед западным порталом церкви 1184 г. был возведен небольшой притвор»⁸.

Отдельную статью посвятив храму Св. Иоанна на Опоках в редакции 1184 г. Д. А. Петров, который увидел в этом памятнике черты, характерные для одной из двух артелей новгородских зодчих, работавших во второй половине XII в.⁹ Исследователь опирался на статью В. А. Булкина¹⁰, выделившего почерк этих двух артелей на основании различия деталей. Д. А. Петров предположил, что внутренние лопатки в восточной части интерьера и соответствующие им восточные столбы, Т-образные в плане, являются формами 1184 г., сознательно скопированными мастером храма 1453 г.

Автор настоящей статьи предложил разделить памятники середины XV в., построенные «по старой основе», с учетом их форм: в одних храмах архитектура XII в. воспроизводится безоговорочно (это «историческая» реставрация), а в других облик храма «осовременивается» с помощью введения мотивов и деталей своего времени («контемпоральная реставрация»)¹¹.

А. Г. Бобров, исследовавший новгородские летописи XV в., выдвинул гипотезу об антизападной направленности всей деятельности архиепископа Евфимия II, при котором осуществлялись «реставрации», в том числе о его борьбе против Флорентийской унии¹². Это предположение, на наш взгляд, никак не может быть принято относительно собственно архитектурной практики (на нее А. Г. Бобров свои построения и не распространяет): если сам факт строительства церковей и осуществлялся ради какой-то политической или, что почти одно и то же, идеологической цели, то формы храма хотя и могут иметь какой-то политический смысл, то в большей мере всё же принадлежат искусству, зодчеству, то есть действуют по законам искусства. А это значит, что они никак не могут свидетельствовать против чего-либо (как могут «работать» идеи политические), они всегда «произносят» некую положительную фразу, свидетельствуют в пользу чего-то. Применительно к идеям А. Г. Боброва можно сказать, что формы храмов не говорят «против Унии», а в эпоху

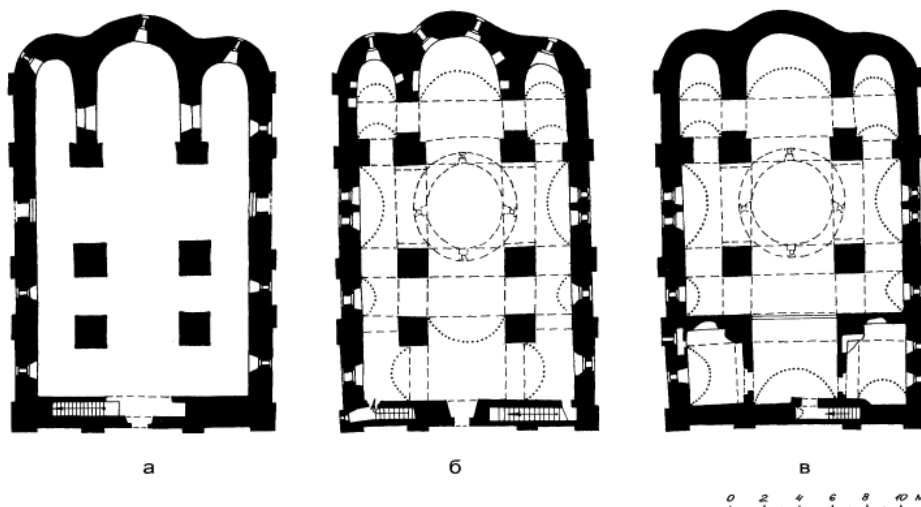
борьбы с Унией (и еще других событий и мыслей) свидетельствуют в пользу тех или иных ценностей художественного плана.

Статью обо всех памятниках «на старой основе» опубликовал И. В. Антипов, который собрал письменные сведения о подобном строительстве и описал известные на настоящий момент памятники¹³. Выводы исследователя могут быть сведены к следующему: причиной возведения храмов заново было не противостояние Новгорода с Москвой, не борьба с латинством, а последовательная программа по замене обветшавших храмов, то есть нужды в основном практические, основой которых служило «распространенное в средневековой практике строительство по образцу». Исследователь отрицает и возможность разделения «реставрированных» храмов на два типа («исторические» и «осовремененные»), считая такие оценки субъективными. Описания и выводы из этой статьи И. В. Антипова перешли в его монографию, посвященную новгородскому зодчеству середины XV в., где добавилось описание храма на Опоках¹⁴.

Из обзора приведенной литературы следует, что храм Св. Иоанна на Опоках не столь хорошо изучен, к тому же он чаще воспринимается как памятник «в ряду», а не как здание, в котором с большой полнотой сказались художественные, архитектурные проблемы своего времени. Мы попробуем оценить этот храм и поставить его в круг художественных вопросов той эпохи, но сначала представим в самом сжатом виде сущность того, что произошло в 1453 г., когда старый храм был снесен и на «старой основе» стали строить новый.

Вероятно, мастеру (мастерам) было дано задание: запомнить храм XII столетия во всех подробностях. Чертежей не было, вряд ли составлялось и письменное описание. Скорее имело место внимательное разглядывание, буквально — впитывание глазами объемов, углов, скруглений, отдельных форм: столбов, арок, положения площадки хор, убранства барабана. Всё это собиралось в образ, которому нужно было «продержаться» несколько месяцев: от момента сноса старого храма до начала строительства стен (то есть на время разборки — ведь нулевого цикла практически не было, сразу после разборки начиналось возведение стен «по старой основе»).

То, что мы видим сейчас (за исключением позднейших искажений — например, больших окон XVII в. в ряде прясел), является воплощением, материализацией этого «запомненного» образа храма XII в. И в нынешнем храме мы можем попытаться различить те формы, которые новгородский мастер сумел перенести из домонгольской постройки, и те, которые он невольно или сознательно добавил, будучи человеком своей эпохи. Еще не приступив к анализу материальных форм, мы можем предположить, что при желании сохранения форм «идеальных» в период, когда старого храма еще

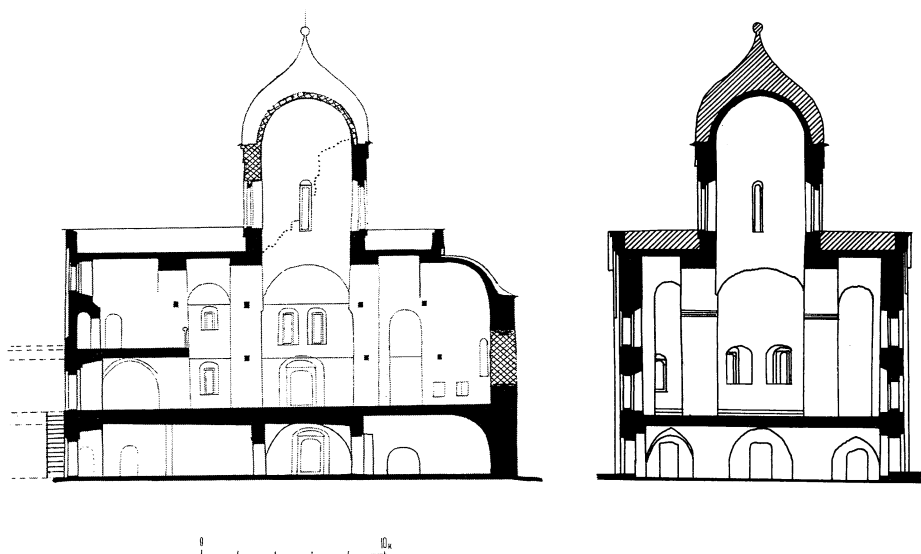
Церковь Иоанна на Опоках: план подцерковья, план основного уровня, план по хорам (по И. В. Антипову)

не существовало, а новый только строится «по памяти», к старым формам могли примешаться формы современные, типичные для середины XV в. Вычленив эти современные мастеру формы, «примешавшиеся» к домонгольским, мы получим «остаток», тот образ (вернее — его материальный след), который казался и заказчику и архитекторам новой постройки достойным воспроизведения, тот идеал (а воспроизведения должен быть достоин именно идеал), который возник перед новгородским обществом и новгородским зодчеством в середине XV столетия.

Перед нами, повторимся, большой храм, трехапсидный и с одной главой, внутри его барабан несут четыре столба. Кроме девятидольного ядра, середину которого увенчивает купол на барабане,

с запада существует нартекс, который превращает храм в то, что в науке до сих пор принято называть шестистолпным храмом (это, конечно же, четырехстолпный храм с нартексом, но название это слишком громоздко, а потому термин «шестистолпный» всё еще удерживается — видимо, для простоты).

Церковь Св. Иоанна Предтечи явно не очень высока: по сравнению с продольными размерами ее высота не позволяет говорить ни о взлете, ни о стремлении вверх. Речь не идет и о приземистости, нет, тут мы имеем дело с таким соотношением высоты, длины и ширины, когда мы видим тяжелые, массивные пропорции внешнего объема храма. Эту тяжесть, или массивность, как категорию нам нужно запомнить.

Продольный и поперечный разрезы (по Д. А. Петрову, дополнено)

Вид с севера. Фотография автора, 2007 г.

Вид с юго-запада. Фотография автора, 2007 г.

Массивность, заданную пропорциональными соотношениями, поддерживают немногочисленные членения фасадов, которые парадоксальным образом подчеркивают нерасчлененность стены. Стены разделяются на прясла (три прясла на западном фасаде, по четыре — на боковых) пластичными, неровными лопатками, выступающими из стены и переходящими вверху в закомары, архивольты которых подчеркнуты уступом в четверть. Членение стен лопатками не придает храму подчеркнутого, ясного и четкого ритма: существующий ритм не организует плоскости в подобие «стиха», то есть он не считается как организующее начало. Нет ясного ритма и в круглящихся волнах закомар: они членят верх здания, но без ясной закономерности, в сущности, повторяя заданные лопатками промежутки, а эти промежутки отвечают членениям плана.

Итак, все эти членения «работают» как формы, которые делят фасады, но делят их так, что общая слитность, массивность и даже некоторая грубость (с оттенком прямолинейности) образа от этого деления не исчезают, а только усиливаются. Можно говорить о монолитности образа как о второй после массивности важнейшей его категории.

Эти категории, этот сложенный с их участием образ тяжелого, нерасчлененного, единого блока, — всё сделано с оглядкой на новгородскую архитектуру второй половины XII в. В ней уже были и массивность, и монолитность, которые достигались в образе храма, видимом извне, вследствие слабого или инертного расчленения, из-за свободной (несчитываемой) ритмики фасада, из-за неясного, как будто оплавленного силуэта. Создав такой образ в 1453 г., новгородские мастера как будто и впрямь попали в XII столетие. Можно с большой

долей уверенности предположить, что новый образ появился в результате точного и продуманного повторения храма 1184 г.

Мотивов середины XV столетия в церкви Св. Иоанна на Опоках почти нет. Можно указать на вкладной крест в среднем уровне среднего прясла южного фасада (такие кресты появились в новгородской архитектуре не ранее середины XIV в., а к XV в. стали обычным явлением). Кроме того, над архивольтами боковых закомар на восточном фасаде церкви находятся выложенные в кладке рельефные кресты, по сторонам которых расположено по розетке, сделанной из кирпича. Подобные розетки, вероятно, западноевропейского, готического происхождения,

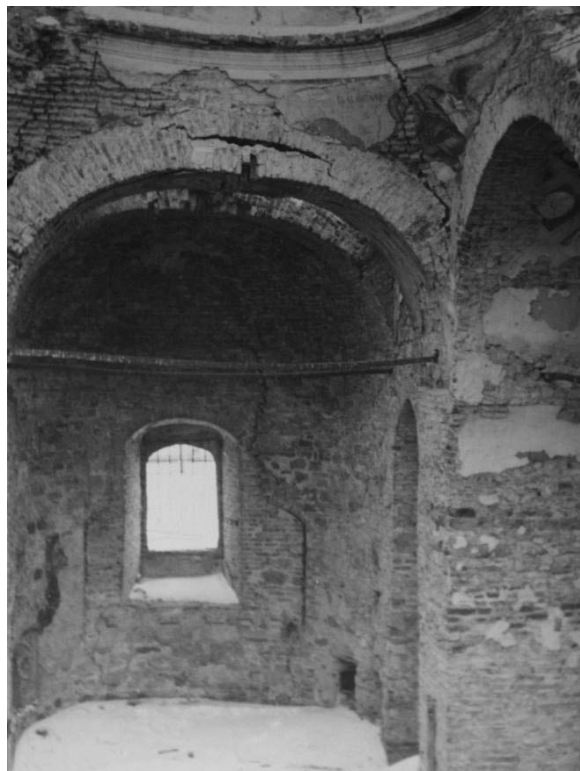
Южный фасад. Фотография автора, 2007 г.

были давно освоены новгородскими мастерами: они есть на фасадах церкви Спаса на Ильине улице 1374 г. и церкви Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Рельефные кресты, выложенные в кладке, встречаются во многих памятниках того же периода, второй половины XIV — начала XV в. Как видим, и выкладные кресты, и розетки, и крестик в кладке не являются специфическими формами середины XV в., они тяготеют к более раннему периоду, хотя вполне могли появиться и в это время, в 1453 г.

Специфической формой середины XV в. обладают только окна храма: там, где они не заменены широкими проемами рубежа XVII–XVIII вв., окна имеют щелевидный, прямоугольный в сечении проем, заключенный, как в рамку, в арочную нишу. Ранее мы уже предположили, что эта форма окон, называемых исследователями «евфимиевскими окнами» — по имени новгородского архиепископа Евфимия II, получилась в результате «реставраторских» усилий новгородских мастеров середины XV в.¹⁵: они видели на сносимых памятниках домонгольского времени окна, в которых от первоначальной формы осталась только арочная ниша на фасаде, тогда как в результате более поздних закладок, обычных для новгородской архитектуры начала XIII–XV вв.¹⁶, сам световой проем был частично заложен и сужен до щелевидного. Такие окна в результате «реставраций» или строительства «по старой основе» были перенесены на новые здания. Тем самым появился новый вид проема: арочный «обвод» нишки вокруг окна резко контрастировал со стрельчатыми или острыми треугольными завершениями окон «классического» новгородского зодчества второй половины XIV — начала XV в. и отсылал в основном к арочным широким окнам домонгольского времени.

В интерьере церкви Св. Иоанна Предтечи на Опоках мы видим то же стремление передать образ разрушенной постройки второй половины XII в. Но это происходит со странным «изъятием»: интерьер сделан так, что низ храма, его нижнюю зону занимает подклет (или подцерковье, что одно и то же) — невысокое помещение, имевшее, вероятно, хозяйственное значение. Своды подклета, как установила Т.В. Гладенко, появились позже, а первоначально, в 1453 г., он отделялся от храма не каменным, а деревянным накатным перекрытием. Можно предположить два варианта возникновения подклета в исследуемом храме: он мог появиться или в новом храме (а в разрушенной церкви его не было), или еще в разрушенном храме XII в., куда его вставили в 1430–1440-е гг. (раньше 1430-х гг. нам подклеты в новгородской архитектуре не известны). Во втором случае подклет 1453 г. лишь повторял уже «вставленный» в тело храма XII в. нижний этаж.

Для нашего исследования не важно, появился подклет здесь «наново» или был сделан как повторение уже имевшегося деления на этажи; существенно то, что в любом из этих случаев подклет

Подкупольное пространство. Фотография 1952 г. Архив ННРУ

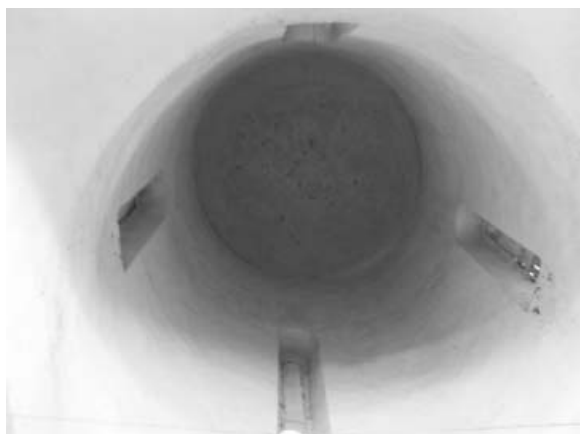
был чем-то внешним, он был хирургическим, а не художественным вмешательством. Художественного вмешательства мы как раз не наблюдаем: в целом пространство оставлено «как было», только часть его отрезана, а потому старое пространство просто укоротилось, стало более приземистым. Это странное пренебрежение, сказавшееся в механическом отсечении нижней части, заставляет предположить, что цель сооружения подклета не только здесь, в этом храме, была технической, но и всегда была технической и осознавалась как таковая.

Но может быть, новгородские мастера с художественной стороны просто не думали, вообще не думали? Нет, само старание подчеркнуть сходство вновь возводимого здания с только что разрушенным храмом-предшественником, видимое в каждой детали фасада и заметное, как увидим ниже, в интерьере, говорит о художественном подходе к поставленной задаче воспроизведения старого храма. Но в этом художественном подходе была пробита брешь: подклет вставлен в храм, повторим и подчеркнем, механистически.

От того, что подклет «отнял» часть пространства внизу, общий образ интерьера (ощутить его можно только складывая отдельные куски и домысливая целое при помощи чертежей: внутреннее пространство сейчас разгорожено и разделено на ярусы для нужд библиотеки) стал приземистым (то есть мас-

Подкупольная зона. Фотография автора, 2007 г.

Вид барабана изнутри. Фотография автора, 2007 г.

сивность и тяжесть усилились в интерьере до приземистости). Своды и арки стали ближе к зрителю, столбы укоротились, уровень света стало меньше. Интерьер домонгольского храма стал намного ниже. Из-за этого многие детали стали восприниматься в пространстве по-другому: широкий и высокий барабан не столько венчает подкупольное пространство, сколько накрывает его, делаясь его частью и буквально колпаком охватывая зрителя, тяжесть столбов благодаря укорачиванию усилилась, как

усилилось и ощущение тяжелой и грубой геометрии подкупольных подпружных арок и тех арок, которые перекинуты от столбов к стенам. Площадка хор, оставленных, судя по всему, на высоте прежних (сохранены были и внутрисканная лестница, и два замкнутых придела в боковых помещениях на хорах), стала ближе к полу, а сами хоры стали сильнее нависать над западной частью.

Помимо столбов, арок, сводов и стен, прорезанных глубокими оконными проемами, в храме нет

Внутрисканная лестница. Фотография автора, 2007 г.

Придел на хорах. Фотография автора, 2007 г.

никаких других членений (только алтарные столбы имеют с некоторых сторон лопатки, которым отвечают только лопатки на северной и южной стенах напротив восточной пары столбов), так что интерьер превращается в замкнутый стенами объем, накрытый близко — ближе, чем в XII в.— расположенными сводами и арками, частично опирающимися на массивные квадратные или прямоугольные в сечении столбы. Следует отметить, что зодчие «освободили» западные столбы, которые в домонгольской (и послемонгольской) новгородской архитектуре всегда были связаны промежуточными арками, на которые опирались хоры, заходившие в угловые части основного девятидольного пространства.

Мы не можем точно сказать, было ли «освобождение» западной пары столбов связано с образцами подобного решения в домонгольской архитектуре¹⁷. Очень редко, но тип шестистолпного храма (точнее, четырехстолпного с нартексом) дает примеры со свободными, не связанными промежуточными арками западными столбами. Такой вариант находим в нескольких древнерусских храмах: в церкви Спаса на Берестове в Киеве (до 1138), Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Каневе (1144), Успенском соборе во Владимире Залесском (1158–1160), Успенском соборе во Владимире-Волынском (ок. 1160)¹⁸ и в церкви Благовещения в Витебске (XII в.)¹⁹. Тип расположения хор без соединения с западной парой столбов связан с проблемой пространственной «чистоты», центричности наоса, что хорошо видно в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде (1117), единственного новгородского памятника этого типа, задуманного сразу с нартексом, но строившегося в два этапа: сначала четырехстолпное ядро, а затем нартекс с хорами и лестничной башней²⁰.

В принципе можно предположить, что мастера храма на Опоках 1184 г. заимствовали образ со свободными столбами из собора новгородского Антониева монастыря, а мастера 1453 г. воспроизвели такое решение еще раз. Но тогда получится, что и мастера 1184 г. и мастера 1453 г. (или только последние) не заметили восьмигранную форму западной пары столбов собора Рождества Богородицы Антониева монастыря и заменили тонкие и стройные столбы оригинала суровыми и тяжелыми опорами с квадратными сечениями. Вероятно, столбы у храма 1184 г. уже были квадратными в сечении, но связывались между собой арками и участками стен с хорами, а «освобождение» столбов произошло в 1453 г., при «реставрации», когда хоры отодвинули к западу, расположив их только над «нартексом» (над тем, что когда-то было нартексом, а теперь включилось в общую структуру). В новгородской архитектуре середины XV в. были опыты по устройству свободных храмовых столбов без хор: мы видим круглые западные опоры в соборе Спасского монастыря в Русе и квадратные в сечении за-

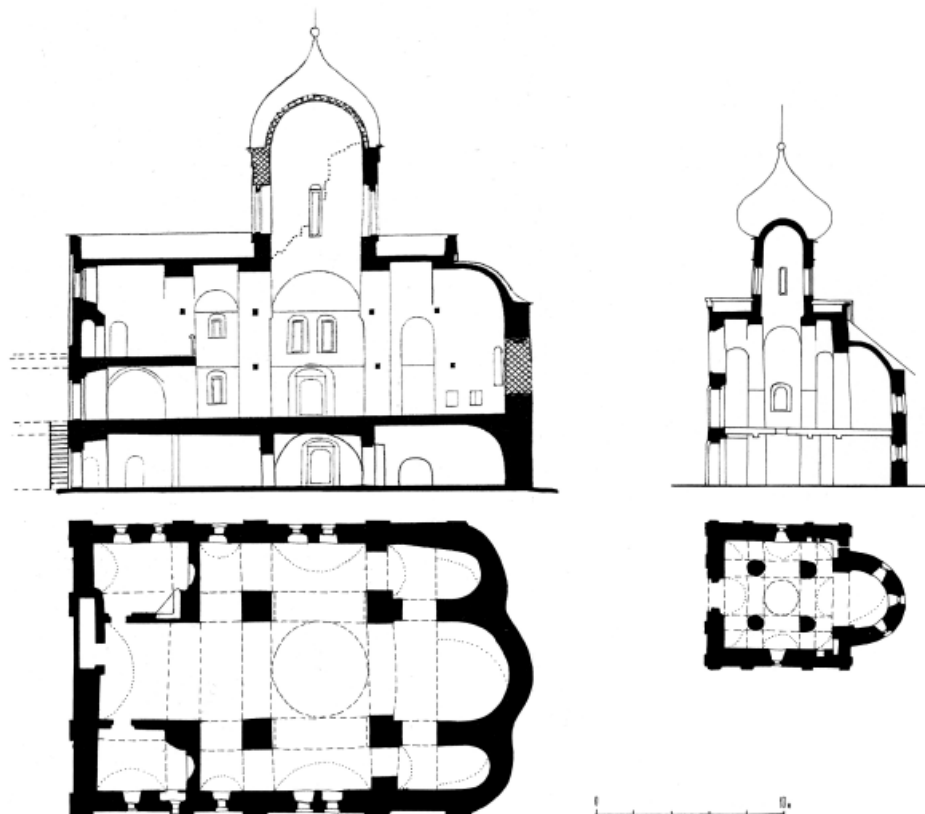
падные опоры в церкви Двенадцати Апостолов на Пропастех 1454 г. в Новгороде²¹. Кажется, что церкви Св. Иоанна на Опоках коснулся тот же процесс, но в необычной, нелогичной форме: вместо легких круглых столбов монастырского собора в Русе, сохранившего именно благодаря такой форме опор некоторую стройность в интерьере (несмотря на то, что подклет в этом храме уже был устроен), и необычайно стройных квадратных столбов храма Двенадцати Апостолов, не имевшего подклета и воспринимавшегося как утрированная до предела версия башнеобразного храма (к тому же без хор), вместо этих образов мы видим намеренно тяжелый, грубый, инертный образ коротких (хотя и свободных) и грузных западных столбов — в церкви Св. Иоанна на Опоках.

Пространство храма венчает широкий и довольно высокий световой барабан с четырьмя оконными проемами, чего не могло быть в храме-прототипе: в барабане такого диаметра зодчий XII в. обязательно прорезал бы восемь или шесть окон, но никак не четыре. Четыре окна по сторонам света появились, скорее всего, в результате закладки диагональных окон, произведенной в XIII–XIV вв. в храме 1184 г. Зодчий 1453 г., как и в случае с подклетом, воспринял образ по состоянию на момент сноса, то есть целостно и без критики, воспроизведя переделку как древность.

Барабан покоится на пониженных подпружных арках (как и было, по всей видимости, в храме 1184 г.). «Труба» барабана, пониженные арки, квадратные западные столбы и Г-образные восточные столбы, а также стены, в том числе те, которые ограничивают два придела в угловых помещениях хор,— вот состав форм интерьера, широкого и невысокого, с его странно опущенным барабаном и площадкой хор.

Надо сказать, что поздние переделки, включенные в образ вновь построенного храма, сослужили ему плохую службу: барабан получился темным, а храм внутри — низким. Но всё же это привнесенные обстоятельства, результат случайности, хотя и очень важный. Главным было то, что зодчие 1453 г. отказались от имеющихся в их арсенале форм в пользу идеи воспроизведения древности, но не приобрели ничего нового. То есть формы домонгольской новгородской архитектуры второй половины XII в., которые им пришлось «запомнить» и воспроизвести, можно воспринимать как новые: они вторгаются в архитектуру середины XV столетия именно как новые, как что-то не соответствующее этому времени. Эти домонгольские формы и ценности были не то чтобы забыты, но отставлены и заслонены чем-то иным.

В новгородской архитектуре XIV–XV вв. было две категории форм: с одной стороны, образ башнеобразного храма, пришедший из южнорусских земель и ассимилированный еще в начале XIII в., а с дру-

Сравнение планов и разрезов церкви Иоанна на Опоках (1453) и церкви Симеона (1467) в Зверине монастыре

гой — готическая по иконографии и духу фасадная декорация. Вместе эти группы придавали своеобразное новгородской архитектуре послемонгольского времени. Эта архитектура напрямую не очень затрагивала собственно новгородскую домонгольскую стилистику (ту, которая была до пересадки башнеобразных храмов Южной Руси на местную почву²²), но сам тип пластического построения пространства, инертного, обобщенно-монументального, цельного, всё время имелся в виду, присутствовал как фон, на котором выделялись башнеобразность и готичность. В тех случаях, когда эти две группы (или одна из них) отходили на второй план, например — из-за слабости мастеров, пластическая стихия давала себя знать. Мы можем видеть это «прорывание» стихийной пластичности в таком памятнике, как церковь Власия на Волосовой улице 1407 г. Но прочно освоенные южнорусская и готическая системы всё же сдерживали эту идущую еще из храмов Ладоги или церкви Спаса на Нередице неартикулированность массы, которую мы назвали стихийной пластичностью.

Между тем, когда желание сохранить древние памятники времени далекого расцвета новгородской самобытности — а именно так, по всей видимости, воспринималась эпоха архиепископа Ильи

(Иоанна) — потребовало при новом возведении храма воспроизвести его основные черты, стихийная пластичность, царствовавшая в новгородской архитектуре второй половины XII в., одержала верх над принципами архитектуры середины XV в. Та как будто отказывается от самой себя, стараясь стать архитектурой трехвековой давности. И это значит, что та стихия, которая до сих пор sporadически вырывалась на поверхность, была не столь уж враждебна новгородским мастерам и их заказчикам. Это значит, что и новгородские архитекторы и новгородское общество были готовы к пассивной художественной модели, в которой ценности прошлого зодчества воспринимаются как важнейшие, ценнейшие. Готовность к приятию старого означает не только тоску по прошлому величию (пусть мнимому) или простоте (пусть условной), но и желание вернуться в понятный, вовсе не отмененный мир крайне пластичной архитектуры византийского круга, в которой способы расчленения, в сущности равные стилиевым признакам, почти отменены или сведены до минимума, а в художественном образе главенствуют слитные массы стен, столбов, сводов.

Можно говорить о пластической, почти аморфной основе новгородского зодчества, всё времяступающей за разными способами расчленить

или организовать внутреннее пространство и фасады. Можно было бы констатировать хаос, выражающийся в этой пластичности, если бы не то обстоятельство, что пластичность была не выражением провинциального аморфного хаоса, а свойством архитектуры, то есть порядка, то есть организации. Просто эта организация в новгородском зодчестве XII в. достигла своего пластического предела, где пластичность граничила с аморфностью и хаосом, но не переходила в них. В этой предельной пластичности и необработанности поверхностей и форм был свой порядок, унаследованный от византийского, была всё та же византийская система организации объемов и пространств, но уже почти не оставалось системы расчленения опор и стен. В таком невнимании к системе членений есть своя смелость и своя выразительность, но при определенном угле зрения это можно рассматривать как провинциальность, как признак окраинного небрежения сложностью или незнания сложных форм.

Нечто похожее мы видим и на других окраинах византийского мира, например в ряде средневизантийских храмов материковой Греции и Пелопоннеса²³. Новгородские храмы второй половины XII в. отличала монументальность, унаследованная от новгородской архитектуры начала того же столетия. Это качество новгородской домонгольской архитектуры времени «боярской республики» основывается в основном на больших физических размерах, на ощущении величия масштаба. К этому ощущению прибавляются пластичные формы стен, столбов, арок и сводов, но в основе впечатления лежит именно крупный размер, дополненный мощными и как будто гнущимися или волнующимися и при этом тяжелыми формами.

Такую архитектуру можно воспринимать как формульную, поскольку в ней заключена формула величия, лишенная каких-либо дополнений или околечностей. Эта формула постоянна, а потому постоянен и сам образ десятков новгородских построек того времени. Но постоянство привычно для традиционной культуры и традиционной архитектуры. А именно такими, насквозь традиционными, были и новгородская культура вообще и архитектура Новгорода в частности во второй половине XII в.

В связи с последним высказыванием возникает вопрос: насколько традиционной продолжали быть новгородская культура и, как часть ее, новгородская архитектура середины XV в.? Новгородская культура того времени была, по всей видимости, еще достаточно традиционной, но в этой традиционности стали всё чаще и всё отчетливее звучать новые интонации. Начнем с того, что эта культура уже видит свое время наглядно: в 1436 г. архиепископ Евфимий II устроил над палатой Владычного двора часы²⁴. Этот часовой механизм со звоном, возможно, западного производства, начал отсчитывать время новгородской жизни. Вряд ли существует прямая

связь между часами и периодизацией новгородской культуры (то есть нельзя сказать, что новый период в Новгороде начался именно около 1436 г.; тогда вышло бы, что в Москве, где часы установили в 1404 г., этот период начался раньше)²⁵, но опосредованная связь, безусловно, существует: с пуском новгородских часов время получило наглядность, линейность, возникла шкала времени. Не из-за часов, но вместе с ними, параллельно, стало ощущаться время историческое. Новгород и новгородцы как будто увидели себя впервые на линейке истории. Оказалось, что у города есть не только непрерывный, ведущийся всегда и используемый лишь для справок ряд летописных известий, бесконечно следующих друг за другом, но и своя история. Историю увидели, о ней стали думать, ее стали приближать или призывать. Историю увидели сразу как чудо и как легенду.

Новое восприятие истории Новгорода проявилось в 1439 г. Этим годом датируется происшествие, описанное несколько позже в повести «Сказание и видение Софийского понамаря Аарона, при архиепископе Новгородском Еуфимии Вяжицком». Приведем полностью текст этого яркого сочинения, рисующего атмосферу таинственности и проявляющего ожидание чуда, которое связано с историей новгородских владык: «Во едину убо ночь, в Великом Новеграде, в велицей церкви у Софии Премудрости Божии, виде понамарь Софийской Аарон, ни во сне ни в привидении, но яве, преждеотшедшия архиепископы прежними дверми церковными излезша из притвора церковнаго, и двери сами отверзошася, и идоша во святыи алтарь дверми. Понамарь же Аарон лежаше на одре страхом велиим одержим, и не смеяше побудити товарищев своих, онем спящим, не ведущим бывшаго. И по мале поидоша из олтаря вси по своем сану, якоже на выход, един по единому, и стаха пред иконою пречистыя Богоматере пред Корсунскою, и начаша пети на мног час — глас же их слышаше, а словес глаголемых от них не разумеяше; и стояша же яко час, и поидоша во святыи олтарь, и не видеша их, к тому и гласа их не слышаше. Во утри же день прииде к архиепископу Еуфимию, и всему освященному собору пришедшу на заутреню, той же понамарь Аарон поведа всем, еже видел преславное видение. Архиепископ же Еуфимий, слыша таковое чудо, бысть радостен о таковом явлении, и прослави Бога, и рече: не остави Бог места сего, молитв ради всех святых архиепископов; и пев панихиду по архиепископех, и собором литургию служил в соборной церкви, и соборяном дал велию почость, и кормяше и пояше довольно, и милостыню нищим неоскудну подаваше»²⁶. Итак, соборному понамарю Аарону явились новгородские владыки прежних лет, поющие молитвы перед Корсунскою иконою Богородицы. Владыки присутствуют в соборе — вот в чем смысл этого видения.

В том же 1439 г. в Софийском соборе было обретено тело архиепископа Иоанна, а также была

установлена память основателям Софийского собора, князю Владимиру (Ярославичу) и его матери. Об обретении тела владыки Иоанна при Евфимии и украшении гробниц ктиторов Софийского собора сообщает краткое известие в Новгородской Первой летописи младшего извода: «Того же лета обретоно бысть тело архиепископа Иоана, при коем был суздальце под Новымъгородом. Того же лета архиепископ Еуфимии позлати гроб князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; также и матери его гроб подписа, и покров положи, и память им устави творити на всякое лето месяца октября в 4»²⁷. В сообщении о событиях 1439 г. в Летописи Авраамки подчеркивается роль архиепископа Евфимия в обретении тела владыки Иоанна: «Того же лета обрете владыка Еуфимии тело архиепископа Иоана, при коем Суздальци были под городом»²⁸.

О чудесном обретении гробницы Ильи (Иоанна) рассказывается в Основной редакции Жития Иоанна Новгородского, составленной в третьей четверти XV в.²⁹ В первом эпизоде этой редакции жития сообщаются биографические данные и рассказывается о чуде иконы Знамения во время битвы новгородцев с суздальцами, во втором говорится о путешествии Иоанна в Иерусалим на бесе, а в третьем рассказывается о том, что в паперти Софийского собора однажды «камень напрасно отпаде от верхние стены» и «ударил каменею онем о камень, лежащий на едином гробе, иже есть в церкви». Упавший камень разбил крышку каменного саркофага неизвестного владыки: «Гроб же он неведом человека, кто в нем лежащий, понеже от мног лет беаше — мнози бо суть гроби в папертех великия церкви Премудрости божиа». Владыка Евфимий приказал «отвалити разседший камень от гроба» и увидел в гробе «некотораго лежаща архиепископа во иноческом чину, в скиме. Ризы же его беяху никако же тлению причастны». Евфимий приказал вновь закрыть гробницу и начал молиться об открытии ему имени погребенного; во время ночной молитвы ему предстал увиденный в гробе человек и поведал, что он «архиепископ Илия, нареченный во иноческом чину в скиме Иоанн, иже сподобился послужити чудеси святей богородицы, честному ея знамению». Иоанн сказал Евфимию, что через него передается божественное повеление об установлении в Новгороде празднования всем погребенным в Софии князьям и архиепископам 4 октября: память следует творить «преставльшимся, лежащим в велицей церкви Премудрости божиа князем руским и архиепископом Великого Новаграда, и всем православным христианом октября в 4 день ... отныне и во веки на всякое лето, понеже достойна ты избра господь строителя, и приатно есть богу дело твое». С тех пор у гробницы Иоанна начались исцеления, а владыка Евфимий «по глаголу святителя божиа Иоанна, устрои память велию преставльшимся князем руским: великому князю Владимиру, иже созда великую церковь свя-

тую Премудрость божию, и матерее его, благоверной великой княгине Анне, и княгини его и прочим князем, лежащим в святей Премудрости божи, и их сродником, и архиепископом Великаго Новаграда, и всем православным христианом в лето 6948, октября в 4 день, на память святаго священномученика Ерофеа»³⁰.

События 1439 г., в летописи обрисованные очень кратко, становятся более ясными благодаря эпизоду из Жития Иоанна Новгородского: архиепископ Евфимий II не только установил церковное (пока только в Новгороде) почитание владыки Иоанна, он, по всей видимости, оформил гробницу этого святого (об этом впрямую не говорится, но исцеления у гроба свидетельствуют о возможности подхода к нему), а также оформил раками и стенным письмом гробы князя Владимира и его матери княгини Анны. Был установлен особый праздник в честь всех погребенных в Софии князей и архиереев (4 октября), одновременно была фактически проведена местная канонизация Иоанна Новгородского.

В церкви Свв. Бориса и Глеба в Околотке в новгородском Детинце в 1441 г. «воспроизводился» («на старой основе») храм 1167 г., выстроенный неким Сотко Сытиничем при князе Святославе Ростиславиче и архиепископе Илье³¹ (хотя нельзя забывать и о том, что церковь Бориса и Глеба 1167 г. к началу XIV в. «порушилася» и в 1302 г. была построена заново, возможно, только в верхних частях)³². В соборе Спасского монастыря в Русе «воспроизводился» храм, построенный в 1198 г. архиепископом Мартирием³³. В обоих случаях мы видим перестройку или «обновление» здания домонгольского времени, связанного с тем или иным архиепископом. Для нас важна именно связь перестройки с новгородскими владыками прошлого: создается впечатление, что архиепископ Евфимий хотел возобновить именно храмы, связанные с памятью о знаменитых пастырях XII в.

В этой связи особенно важно то, что помимо названных двух храмов в 1447 г. «изнова» была построена надвратная церковь Богоявления в Благовещенском монастыре, до того сооруженная в камне в 1180–1182 гг. по заказу архиепископа Ильи (Иоанна) и его брата Гавриила (Григория). Если связать это строительство в Благовещенском монастыре, где ктиторовство Евфимия II не упомянуто в летописи, но очень вероятно, и возведение храма Бориса и Глеба с обретением в 1439 г. гроба архиепископа Ильи (Иоанна) и местной канонизацией этого и других новгородских святителей, которая была организована владыкой Евфимием, то возникает отчетливая программа по «актуализации» построек времени владыки Иоанна (Ильи) и «заодно» Мартирия.

В эту программу очень хорошо вписывается и церковь Иоанна на Опоках: она впервые была возведена в камне в 1127–1130 гг., еще в «княжеский»

период, по заказу князя Всеволода Мстиславича³⁴. В 1184 г. архиепископ Илья со своим братом Гавриилом построили храм Иоанна на Торговище практически заново, хотя и с использованием нижних частей стен и фундаментов княжеской постройки начала того же века³⁵. Возведением этого храма заново архиепископ Евфимий II подчеркивал связь с временем архиепископа Ильи (Иоанна), канонизированного в 1439 г., проявлял внимательное отношение к святыням времени знаменитого владыки, при котором были побеждены суздальцы, а над Новгородом простерлась благодать иконы Знамения. Церковь Иоанна на Опоках (на Торговище), наряду с храмом Бориса и Глеба 1441 г. и надвратной церковью Богоявления 1447 г., вписывается в круг важнейших построек, связанных с необычным «обновлением» каменных зданий времени архиепископа Ильи (Иоанна).

А в то хорошее время, при архиепископе Иоанне, при ранних князьях, новгородцы владели всей дарованной им Богом землей, были вольны, контролировали своих (приглашенных) князей и жили в мире с окрестными народами. Вот две картины того славного прошлого, нарисованные новгородскими книжниками с промежутком в целый век. В начале «Сказания о битве новгородцев с суздальцами», написанного в середине XIV в., дана формула новгородской самостоятельности, очень простая: «Сице бо живущим новгородцем: владеяху областми по своей воле, яже им бог поручил, а князя держажу по своей воле»³⁶. Почти ту же формулу доброго прошлого находим в «Повести о посаднике Добрыне», составленной в 1470-е гг., накануне падения новгородской государственности (а значит, два десятилетия спустя после возведения церкви Св. Иоанна на Опоках): «В лета благочестивых великих князей наших русских живущим новгородцем в своей свободе и со всеми землями в мере и совокуплении»³⁷. Вот с этими-то временами, не слишком баснословными, но уже отошедшими в область специально вспоминаемого предания, новгородцы и вели постоянный диалог во время владыки Евфимия II.

В год постройки церкви Св. Иоанна на Опоках, в 1453 г., случились два важнейших события мировой и русской истории. В этот год пал Константинополь, была разрушена не только Византия как государство, но и вся картина православного мира, в которой ядро составлял всегда Новый Рим, Константинополь. Новгородская летопись отозвалась на это событие кратко: «Того же лета взяша Турции Царьград, и хрестьянство погубиша, и святая церкви разориша»³⁸. Но это обычная новгородская краткость. Само событие означало, что вся Русь и Новгород в частности остаются одни. Историческое время настигало Новгород брошенным вызовом одиночества, отсутствием надполитической и духовной столицы, каковой был Константинополь. В этой связи конструирование собственного прошлого,

связанного с настоящим, в том числе конструирование буквальное, архитектурными средствами, было необыкновенно актуальным.

Вторым важнейшим событием 1453 г. была внезапная смерть в Новгороде князя Дмитрия Шемяки, последовавшая, возможно, в результате отравления³⁹. Эта смерть означала конец «полуприкрытого» противостояния Новгорода и Москвы — Новгород теперь стоял под прямым ударом Московского княжества. Это тоже налагало особый отпечаток на идею собственного новгородского архитектурного пассажа.

В сущности рождение идеи «реставрации» означает (как и пуск новгородских часов, как и оформление новгородского взгляда на историю) появление особой, позднесредневековой мысли в Новгороде. Мышление было еще средневековым, традиционным, но сама традиция теперь несколько размывалась и требовала построения схем, подтверждения, развернутого идеологического обоснования. В этом требовании «подпорок» и заключалось начало позднесредневекового мышления. Нужно сказать, что «реставрации», строительство «по старой основе», были одним из первых проявлений этой позднесредневековой культуры и связанного с ней мышления.

Храм Св. Иоанна Предтечи на Опоках показывает опасность этого мышления по отношению к архитектуре. Идея воспроизведения древнего храма заново никак не может быть сведена только к традиционному строительству по образцу. Такое воспроизведение требует не только запоминания древних форм, но и отказа от форм современных, «этого года». Получается, что с позиции идейной новгородские заказчики сделали огромный шаг в сторону рефлексирующей позднесредневековой культуры. Ранее, насколько нам известно, ничего подобного не было ни в одной из русских земель, ни в землях Византии и других православных государств. После новгородских экспериментов начнутся опыты Ермолина с владимиристо-суздальскими постройками⁴⁰.

Однако с архитектурной точки зрения путь реставрационный был тупиком: в качестве нового приобреталась старая система, не слишком артикулированная и не до конца понятая (хотя и тщательно воспроизведенная), тогда как от стиля своей эпохи, выраженного в небольших монастырских храмах со всей полнотой, мастера и заказчики как будто отказывались, заменяя его стилем другой эпохи, не имевшей, как нам сейчас видно, развитой системы артикуляции. Образовался целый пласт архитектуры, которую мы когда-то назвали «исторической реставрацией». В постройках, принадлежащих к этому пласту, время сказывается в идеологической плоскости (в программе здания), тогда как в самой архитектуре идет подмена своего времени прошлым — с помощью новых или старых форм. Неартикулированный монументализм и несдерживаемая пластика были «врагами» новгородского

зодчества; когда они побеждали (как это было во второй половине XII в. и в начале XV в.), архитектура погружалась в круг частых самоповторений.

В середине XV в., уже в третий раз, эти же «враги» одержали над новгородской архитектурой верх. Они проникли через достаточно сложную и продуманную идеологическую программу архиепископа Евфимия II и его окружения, предполагавшую «восстановление» домонгольских храмов. Это «восстановление», позднесредневековое по сути, оказалось упрощением — поскольку предлагало воспроизводить архитектуру достаточно слабую, непроработанную. В результате в Новгороде в это время возник даже не островок, а целый остров пассивной по формам и содержанию архитектуры, в которой успехов, в сущности, не было. Рядом с этим островом старины строились замечательные храмы в современной манере, но и на них пассивная архитектура оказывала свое влияние. Мало того, своеобразие новгородской архитектуры XVI в., особенно его первой половины, в значительной мере основано на формах и самой манере, заимствованной из «реставрированных» памятников середины XV в. Оказалось, что позднесредневековое по типу мышление может дать отрицательные художественные результаты — при жестких рамках или не до конца отретексированном повторении собственной архаики. Новгородский храм Св. Иоанна на Опоках — яркий тому пример. Некоторые более поздние памятники церковной архитектуры Новгорода, например церкви Ильи на Славне, Успения на Торгу и Воскресения на Мячине, обнаруживают ту же тенденцию к упрощению целого и небрежению деталями, которая столь ярко проявилась в церкви Иоанна на Опоках. Один из первых опытов реализации позднесредневекового мышления в древнерусской архитектуре фактически обернулся художественной катастрофой.

Примечания

- ¹ Строчков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 году // КСИИМК. Вып. XI. М.; Л., 1945. С. 65–73; Воронин Н. Н. Работы советских археологов области истории русского зодчества X–XIII вв. // Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания. М., 1958. С. 118–130; Рannoпорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 66–67.
- ² ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. С. 193: «Того же лета, весне, почаша рушити церковь камену святого Ивана на Петрятине дворе, в торгу, повелением владыки Еуфимия, месяца Июня в 3 день в неделный, на память святого Лукиана... Того же лета свершиша церковь святого Ивана, в торгу, на Петрятине дворе, месяца Септяврия в 23 день, в неделю; и священна бысть архиепископом владыкою Еуфимием, на память Зачатия святого Иоанна»; Новгородские летописи. СПб., 1879, С. 240: «Повелением архиепископа Евфимия разрушена бысть церковь каменная святого Иоанна Предтечи, месяца июня в 3 день, на память святого Лукиана; того же лета и совершиша святого Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, а ныне зовется на Опоках, и священна бысть 6962 сентября в 23 день, и святлю ю сам владыка, со всем собором, в день неделный, а подписаша сию церковь святого Иоанна Предтечи 6963».
- ³ Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860. С. 285.
- ⁴ Дмитриев Ю. Н. К истории новгородской архитектуры // НИС. Вып. II. Л., 1937. С. 116–122.
- ⁵ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962. С. 146–148.
- ⁶ Гладенко Т. В. Церковь Иоанна на Опоках. Новгород, 1959.
- ⁷ Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 241–242.
- ⁸ Рannoпорт П. А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып. 1 (11). Л., 1982. С. 191–192; Пескова А. А., Рannoпорт П. А., Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. 1982. № 3. С. 36–40; Рannoпорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 68–69.
- ⁹ Петров Д. А. Новгородская церковь Ивана на Опоках: храм XII в. глазами мастеров XV в. // Архитектура и строительство России. 1991. № 6. С. 30–31.
- ¹⁰ Булкин В. А. Архитектурно-строительная ситуация в новгородском зодчестве конца XII — начала XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. К 80-летию проф. В. В. Мавродина // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Л., 1987. С. 217–223.
- ¹¹ Седов Вл. В. Церковь Якова на Яковлеве улице // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 60–64.
- ¹² Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 194–217.
- ¹³ Антипов И. В. Новгородские храмы «на старой основе» 1430–1460-х годов // Seminarium Bulkinianum. II. К 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб., 2007. С. 96–117.
- ¹⁴ Антипов И. В. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009. С. 75–98 (аналитическая глава); 237–240 (описание церкви Иоанна на Опоках).
- ¹⁵ Седов Вл. В. Церковь Двенадцати Апостолов в Новгороде // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 172–189.
- ¹⁶ См. об этом: Седов Вл. В., Скрипцова Е. В. Закладка окон Николо-Дворищенского собора в Новгороде в начале XIII в. // Новгородские древности / Архив архитектуры. Вып. XI. М., 2000. С. 5–23.
- ¹⁷ См.: Седов Вл. В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 67–82.
- ¹⁸ Данные и литературу см.: Рannoпорт П. А. Указ. соч. С. 22–23, 31, 51–52, 105–106.

■ *Вл. В. Седов • Церковь Св. Иоанна на Опоках в Новгороде как пример позднесредневековой архитектуры*

- ¹⁹ Раппопорт П. А. Указ. соч., С. 99–100; Он же. Церковь Благовещения в Витебске // ПКНО. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 523.
- ²⁰ Ковалева В. М., Штендер Г. М. О формировании архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде // КСИА. Вып. 171. М., 1982. С. 54–59.
- ²¹ Седов Вл. В. Церковь Двенадцати Апостолов... С. 172–189.
- ²² Седов Вл. В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // ДРИ. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 29–54.
- ²³ Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916; Ćurčić S. Architecture in the Balkans. From Diokletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London, 2010.
- ²⁴ Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 418: «Того лета архиепископ Еуфимии опять сверши святого Иоанна Златоустага в другии ряд и часы над полоатою наряди звонящими»; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 239: «Владыка Евфимий постави храм, в другий ряд, святого Иоанна Златоустага, и часы устрои каменные, в саду, близ стены каменной градской»; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 435: «Того же лета архиепископ Новгородский Еуфимии опять сверши святого Иоанна Златоустага во другии ряд и часы над полоатою наряди звонящими»; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 453: «Того лета архиепископ владыка Еуфимии наряди оу себе в дворе часы самозвонящие... Того лета архиепископ владыка Еуфимии сверши церковь камену в другии ряд оу себе в дворе на воротех Иоанн Златоустый, коя порушася».
- ²⁵ О времени и о механических часах в средневековой культуре см.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 103–166. Об историческом времени средневековья см.: Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры // Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006. С. 188–231.
- ²⁶ Новгородские летописи. СПб., 1878. С. 271 (переиздание с той же пагинацией: Новгородские летописи. Кн. 1. Рязань, 2002).
- ²⁷ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. С. 420. См. также восходящее к этому сообщению известие Новгородской Четвертой летописи (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 436. «Того же лета обретоно бысть тело архиепископа Иоанна, при коем были Суздадци под Новымъгородом»). Об установлении местного почитания архиепископа Ильи (Иоанна), местного почитания князей, погребенных в Софийском соборе, см.: Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 139–143. ПСРЛ. Т. XVI. С. 181.
- ²⁸ Л. А. Дмитриев относит написание Основной редакции Жития Иоанна Новгородского к 1470-м гг., но можно, видимо, датировать Житие и несколько более ранним временем, приближая его ко времени правления Евфимия II. Во всяком случае, исследователь Жития подчеркивает включение в него более ранних устных и письменных сказаний. См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюции жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 167–169.
- ²⁹ Пересказ и цитаты приводятся по работе: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. С. 160–162. См. также: Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 90–97; Он же. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 139–144.
- ³⁰ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. С. 32, 219.
- ³¹ Там же. С. 91, 331.
- ³² Там же. С. 43, 237.
- ³³ Там же. С. 21–22, 206.
- ³⁴ Там же. С. 37: «Заложил архиепископ Илия с братом церковь святого Иоанна камяну на Торговищи».
- ³⁵ ПЛДР. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 448–453, цитированное место — С. 448.
- ³⁶ ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 188.
- ³⁷ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. Стлб. 194.
- ³⁸ Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 141–158.
- ³⁹ Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 71–92; Седов Вл. В. «Реставрация» собора в Юрьеве-Польском Василием Ермолиным: ответ на «реставрацию» времени архиепископов Евфимия II и Ионы? // История архитектуры и градостроительства. Материалы научно-практической конференции МАРХИ «Наука, образование и экспериментальное проектирование»; 12–16 апреля 2010 г.: тезисы докладов секции 4. М., 2010. С. 15–17.

Литература и источники

1. Антипов И. В. Новгородские храмы «на старой основе» 1430–1460-х годов // Seminarium Bulki-pianum. II: к 70-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб., 2007. С. 96–117.
2. Антипов И. В. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009.
3. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры // Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006.
4. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
5. Булкин В. А. Архитектурно-строительная ситуация в новгородском зодчестве конца XII — начала XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. К 80-летию проф. В. В. Мавродина / Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Л., 1987. С. 217–223.

6. Воронин Н. Н. Работы советских археологов в области истории русского зодчества X–XIII вв. // Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания. М., 1958. С. 118–130.
7. Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.
8. Гладенко Т. В. Церковь Иоанна на Опоках. Новгород, 1959.
9. Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 241–242.
10. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
11. Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюции жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.
12. Дмитриев Ю. Н. К истории новгородской архитектуры // НИС. Вып. II. Л., 1937. С. 116–122.
13. Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 141–158.
14. Ковалева В. М., Штендер Г. М. О формировании архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде // КСИА. Вып. 171. М., 1982. С. 54–59.
15. Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962.
16. Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860.
17. Новгородские летописи. Кн. 1. Рязань, 2002.
18. Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950.
19. Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. 1982. № 3. С. 36–40.
20. Петров Д. А. Новгородская церковь Ивана на Опоках: храм XII в. глазами мастеров XV в. // Архитектура и строительство России. 1991. № 6. С. 30–31.
21. ПЛДР. М., 1981.
22. ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982.
23. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929.
24. ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000.
25. Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып. 1. Л., 1982. С. 191–192.
26. Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
27. Раппопорт П. А. Церковь Благовещения в Витебске // ПКНО. Ежегодник 1985. М., 1987. С. 522–528.
28. Седов Вл. В. Церковь Якова на Яковлеве улице // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 60–64.
29. Седов Вл. В., Скрипцова Е. В. Закладка окон Николо-Дворищенского собора в Новгороде в начале XIII в. // Архив архитектуры. Вып. XI: Новгородские древности. Вып. 5. М., 2000. С. 5–23.
30. Седов Вл. В. Новый тип хор в древнерусской архитектуре XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 67–82.
31. Седов Вл. В. Церковь Двенадцати Апостолов в Новгороде // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 172–189.
32. Седов Вл. В. Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 29–54.
33. Седов Вл. В. «Реставрация» собора в Юрьеве-Польском Василием Ермолиным: ответ на «реставрации» времени архиепископов Евфимия II и Ионы? // История архитектуры и градостроительства. Материалы научно-практической конференции МАРХИ «Наука, образование и экспериментальное проектирование»; 12–16 апреля 2010 г.: Тезисы докладов секции 4. М., 2010. С. 15–17.
34. Строков А. А. Раскопки в Новгороде в 1940 году // КСИИМК. Вып. XI. М.; Л., 1945. С. 65–73.
35. Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М., 1980.
36. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.
37. Čurčić S. Architecture in the Balkans. From Diokletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London, 2010.
38. Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916.

References

1. Antipov I. V. Novgorodskie khramy «na staroi osnove» 1430–1460-kh godov. *Seminarium Bulkinianum. II: k 70-letiiu so dnia rozhdeniia Valentina Aleksandrovicha Bulkina*, Saint-Petersburg, 2007, pp. 96–117.
2. Antipov I. V. *Novgorodskaia arkhitektura vremeni arkhiepiskopov Evfimiia II i Iony Otenskogo*. Moscow, 2009.
3. Bitsilli P. M. *Elementy srednevekovoi kul'tury. Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiia i Zapad*, Moscow, 2006.

4. Bobrov A. G. *Novgorodskie letopisi XV veka*. Saint-Petersburg, 2001.
5. Bulkin V. A. Arkhitekturno-stroitel'naia situatsiia v novgorodskom zodchestve kontsa XII — nachala XIII v. *Problemy otechestvennoi i vseobshchei istorii, i. 10. Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. Problemy ideologii i kul'tury. K 80-letiiu prof. V. V. Mavrodina*, Leningrad, 1987, pp. 217–223.
6. Voronin N. N. Raboty sovetskikh arkheologov v oblasti istorii russkogo zodchestva X–XIII vv. *Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 40-letiiu sovetskogo iskusstvoznaniia*, Moscow, 1958, pp. 118–130.
7. Vygolov V. P. *Arkhitektura Moskovskoi Rusi serediny XV veka*. Moscow, 1988.
8. Gladenko T. V. *Tserkov' Ioanna na Opokakh*. Novgorod, 1959.
9. Gladenko T. V., Krasnorech'ev L. E., Shtender G. M., Shuliak L. M. Arkhitektura Novgoroda v svete poslednikh issledovaniy. *Novgorod. K 1100-letiiu goroda*, Moscow, 1964, pp. 241–242.
10. Gurevich A. Ia. *Kategorii srednevekovoi kul'tury*. Moscow, 1984.
11. Dmitriev L. A. *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv. Evoliutsii zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*. Leningrad, 1973.
12. Dmitriev Iu. N. K istorii novgorodskoi arkhitektury. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, i. II, Leningrad, 1937, pp. 116–122.
13. Zimin A. A. *Vitiaz' na rasput'e. Feodal'naia voina v Rossii XV v.* Moscow, 1991, pp. 141–158.
14. Kovaleva V. M., Shtender G. M. O formirovanii arkhitekturnogo oblika sobora Antonieva monastyria v Novgorode. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (RAN)*, i. 171, Moscow, 1982, pp. 54–59.
15. Likhachev D. S. *Kul'tura Rusi vremeni Andreia Rubleva i Epifaniia Premudrogo (konets XIV — nachalo XV v.)*. Moscow; Leningrad, 1962.
16. Makarii, arhimandrit. *Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostei v Novgorode i ego okrestnostyakh*, vol. 1, Moscow, 1860.
17. *Novgorodskie letopisi*, vol. 1. Ryazan, 2002.
18. *Novgorodskaia Pervaia letopis' starshego i mladshhego izvoda*. Moscow; Leningrad, 1950.
19. Peskova A. A., Rappoport P. A., Shtender G. M. 1982. K voprosu o slozhenii novgorodskoi arkhitekturnoi shkoly. *Sovetskaia arkheologiya*, no 3, pp. 36–40.
20. Petrov D. A. 1991. Novgorodskaia tserkov' Ivana na Opokakh: khram XII v. glazami masterov XV v. *Arkhitektura i stroitel'stvo Rossii*, no 6, pp. 30–31.
21. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi*. Moscow, 1981.
22. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi*, vol. 5. *Vtoraia polovina XV veka*. Moscow, 1982.
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, vol. IV, b. 1, i. 3. Leningrad, 1929.
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, vol. XVI. Moscow, 2000.
25. Rappoport P. A. Arkheologicheskie issledovaniia pamiatnikov drevnego novgorodskogo zodchestva. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, i. I, Leningrad, 1982, pp. 191–192.
26. Rappoport P. A. *Russkaia arkhitektura X–XIII vv. Katalog pamiatnikov*. Leningrad, 1982.
27. Rappoport P. A. Tserkov' Blagoveshcheniia v Vitebske. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik 1985*, Moscow, 1987, pp. 522–528.
28. Sedov V. V. Tserkov' Iakova na Iakovleve ulitse. *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiya*, Novgorod, 1992, pp. 60–64.
29. Sedov V. V., Skriptsova E. V. Zakladka okon Nikolo-Dvorishchenskogo sobora v Novgorode v nachale XIII v. *Arkhiv arkhitektury, i. XI: Novgorodskie drevnosti*, i. 5, Moscow, 2000, pp. 5–23.
30. Sedov V. V. Novyi tip khor v drevnerusskoi arkhitekture XII v. Tserkov' Spasa na Nereditse: ot Vizantii k Rusi. *K 800-letiiu pamiatnika*, Moscow, 2005, pp. 67–82.
31. Sedov V. V. Tserkov' Dvenadtsati Apostolov v Novgorode. *Velikii Novgorod i Srednevekovaia Rus'. Sbornik statei k 80-letiiu akademika V. L. Ianina*, Moscow, 2009, pp. 172–189.
32. Sedov V. V. Tserkov' Rozhdestva Bogoroditsy v Peryni: novgorodskii variant bashneobraznogo khrama. *Drevnerusskoe iskusstvo. Ideia i obraz. Opyty izucheniia vizantiiskogo i drevnerusskogo iskusstva*, Moscow, 2009, pp. 29–54.
33. Sedov V. V. «Restavratsiia» sobora v Iur'eve-Pol'skom Vasiliem Ermolinym: otvet na «restavratsii» vremeni arkhiepiskopov Evfimiia II i Iony? *Istoriia arkhitektury i gradostroitel'stva. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii Moskovskogo arkhitekturnogo instituta (MARKhI) «Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie»; 12–16 apreliia 2010 g.: Tezisy dokladov seksii 4*, Moscow, 2010, pp. 15–17.
34. Stokov A. A. Raskopki v Novgorode v 1940 godu. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, i. XI, Moscow; Leningrad, 1945, pp. 65–73.
35. Khoroshev A. S. *Tserkov' v sotsial'no-politicheskoi sisteme novgorodskoi feodal'noi respubliki*. Moscow, 1980.
36. Khoroshev A. S. *Politicheskaia istoriia russkoi kanonizatsii (XI–XVI vv.)*. Moscow, 1986.
37. Čurčić S. *Architecture in the Balkans. From Diokletian to Süleyman the Magnificent*. New Haven; London, 2010.
38. Millet G. *L'école greque dans l'architecture byzantine*. Paris, 1916.